

Элен Алекс
Счастье где-то рядом

16+

Элен Алекс
Счастье где-то рядом

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Элен Алекс

Счастье где-то рядом / Элен Алекс — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Кэндейси Коул живет в маленьком городке, жизнь в котором течет словно по запланированному сценарию. Она служит в местной газете и давно не ждет от своей работы ничего интересного. Все меняется в жизни Кэндейси, когда в редакцию приходит сообщение от молодого человека, который хочет разыскать одну девушку. Он пишет, что случайно увидел ее на улице и теперь его жизнь без нее будет разбита вдребезги.

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	15
5	18
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

1

– Любите ли вы театр?

Этим вопросом молодой человек меня совсем добил. Еще долго его голос сбегал вслед за мной по лестнице дома, пока я не оказалась на улице, где смогла немного отдышаться и прийти в себя.

Этот вопрос давно преследовал меня по ночам и смущал мою душу. Хотя, казалось, ничего такого, простой вопрос.

Но у вас бывает так, когда кто-то мимоходом угадывает ваши мысли и вам кажется, что это и есть тот человек, которого вы всю жизнь искренне ждали на берегу, а он спокойно проходит мимо вас?

Ему ничего не стоило задать мне этот вопрос. Он даже не заметил, как попал в самую точку, а потом развернулся и ушел в неизвестность.

Я не просто люблю театр. Я обожаю театр. Но об этом потом. А сейчас начало той истории.

У нас с бабушкой Урсулой есть квартира, на которую мы молимся. Потому что в эту квартиру в свое время от бабушки Урсулы ушел дедушка Альберто.

Нет, он не завел новую семью, он ушел просто так. Потому что на старости лет ему нужно было многое обдумать, сделать определенные выводы, а может, даже кое-что в этой жизни начать сначала.

Бабушка Урсула сначала сильно переживала и гордо прохаживалась у его дома под руку с какой-нибудь подругой. Они пытались тревожно заглянуть в дедушкины окна, но у них ничего не получалось, потому что эта квартира была на пятом этаже.

Потом бабушка Урсула немного успокоилась и стала ждать дедушкиного возвращения в семью. Как открылось ей свыше, дедушка Альберто уже все обдумал, переоценил и понял, что без бабушки Урсулы ему на этой планете не жизнь, и он вот-вот вернется.

Бабушка Урсула научилась готовить лазанью по новому необычному рецепту и вытерла пыль веков с большого зеркала в спальне. И обнаружила, что глаза у нее такие же голубые, как и много лет назад, и сияют они тем самым светом, который когда-то осветил путь дедушки Альберто.

Скажу сразу, что дальше все было очень грустно, потому что дедушка Альберто вернуться не успел. И бабушка Урсула так никогда и не узнала, понравилась бы ему новая необычная лазанья.

После его похорон бабушка Урсула заперла квартиру на ключ, и мы стали на нее молиться. С тех пор прошло десять лет, а в той квартире все точно так же, как было, когда там жил дедушка Альберто.

Пару раз в месяц бабушка Урсула приходила в эту квартиру, бродила по комнатам, вытирала пыль с книг, любовно оглядывала большие книжные шкафы дедушки Альберто и предавалась воспоминаниям.

Дедушка Альберто очень любил читать и многому научил бабушку Урсулу. Им было хорошо вместе, они всегда были неразлучны и счастливы. Никто не знал, почему дедушка Альберто ушел.

Никто не знал, какие мысли были у него в голове и почему он хотел некоторое время побыть один. Разумеется, он собирался в конце концов поделиться этим с бабушкой Урсулой. У него просто не хватило времени.

Меня зовут Кэндейси Коул, мне двадцать лет, и совсем скоро я совершу главное дело своей жизни. Какое это дело, я еще не знаю, но знаю, что пока мне нужно избавиться от сотни неглавных дел.

У вас бывает так, когда вы сами себе говорите: «Вот сейчас уберу посуду после завтрака, полью цветы, наведу порядок в доме, схожу в прачечную, по дороге забегу в магазин, придумаю экзотическое блюдо на ужин, а потом выброшу сгоревшие останки в мусорную корзину и приглашу друзей в ближайший ресторан, завтра схожу на работу, отличусь там новым проектом, отвечу на письма, посмотрю новости, поболтаю с подругами и... начну совершать дело всей своей жизни»?

Вот и у меня так бывает каждый день. Работаю я в редакции местной газеты и потихоньку ненавижу свою работу, особенно по утрам. К вечеру я начинаю думать, что другой судьбы в этой жизни мне, пожалуй, не дожидаться, а потому смиряюсь и покорно затихаю.

– Это хороший плацдарм, – обычно утешает меня моя лучшая подруга Джессика, которая работает в баре напротив нашей редакции и поэтому все дни проводит в общении и кокетстве с клиентами.

– Какой плацдарм, – грустно говорю ей я, – мне уже скоро на пенсию.

– Ты это зря, – задорно говорит Джессика, – в двадцать лет жизнь только начинается.

Джессика подмигивает очередному клиенту и медленно бросает в его бокал маленькие кусочки льда. Клиент забывает, что он глубоко женат, и начинает оценивающе рассматривать Джессику.

Я уныло потягиваю апельсиновый сок через трубочку.

– У тебя все просто, – вздыхаю я, – но так не бывает. Во всех событиях должен быть какой-то глубокий смысл.

– Ну уж нет, – улыбается Джессика, – мир прост, как эти бокалы.

И она кладет на стойку грудь, и очередной клиент давится коктейлем.

На работе я каждый день закапываю свои мечты. Население нашей редакции составляют лодыри и неудачники. У них нет никакой фантазии. Они сдирают новости из Интернета, умные статьи перепечатывают из центральных газет, а при освещении городских проблем ориентируются на СМС-сообщения.

Кому это интересно? Центральная улица затоплена после вчерашнего дождя, горожане бросают машины перед входом в магазины и мешают бросать там свои машины другим порядочным горожанам, молодые мамы с детьми и колясками заняли все переходные дорожки, а в парке после ночной грозы упало три дерева.

Сейчас в моде такие новости. Газета держит руку на пульсе города. А СМС-сообщения превосходят самое себя. Сотни бездельников во время рабочего дня, даже не дожидаясь обеденного перерыва, наперебой строчат разнообразные кляузы в нашу газету.

И в чем, как вы думаете, заключается моя нынешняя работа? Исправлять грамматические ошибки в этих сообщениях! А ошибок в них – как опавшей листвы осенью. То есть огромное количество.

Марк Тоснан, мой бывший одноклассник, гробил свои лучшие годы в риелторской фирме, а потому обладал острым умом и смекалкой. Он-то и уговорил нас с бабушкой Урсулой сдать нашу квартиру в аренду.

– Нет, нет и нет, – возмущенно сказала ему бабушка Урсула.

– Впервые вижу людей, которым не нужны лишние деньги, – беззаботно сказал Марк.

– Есть понятие «лишние деньги», а есть понятие «дело чести», – сказала бабушка Урсула.

И мы с Марком Тоснаном некоторое время пытались почтительно оценить ее слова.

Но Марк Тоснан не терял дедушку, и ему не нужно было молиться на квартиру, в которой тот когда-то жил. А потому понятие «лишние деньги» в его душе перевешивало все остальные понятия.

– Кэндейси хочет путешествовать по миру, – спокойно привел он новый аргумент в пользу лишних денег, хотя я об этом и не заикалась.

– Я тоже не путешествовала по миру, – сердито поджала губы бабушка Урсула, – весь мир и так находится внутри каждого из нас, для этого не нужно уезжать куда-то за тридевять земель.

Марк Тоснан знал нашу семью с детства, а потому не очень удивился такому повороту.

– Это верно, – согласился он, – но другие страны тоже никому не помешает посмотреть. У меня даже квартиранты есть для этой вашей квартиры. Двое молодых парней недавно обратились в наше агентство, они как раз хотят снять квартиру на окраине, уверяю, что для вас это большая удача.

– Что?

Бабушка Урсула всегда считала Марка Тоснана безбожником, а сейчас и подавно, ведь в этой ситуации как раз сходились воедино все безбожества.

Во-первых, по квартире, в которой совсем недавно жил дедушка Альберто, будут ходить другие люди. Во-вторых, у нас появятся так называемые лишние деньги, в то время как у многих людей в мире нет даже элементарного. А в-третьих, Кэндейси отправится путешествовать по миру, и там с ней что-нибудь случится.

– Даже думать не смей, – сказала Марку Тоснану бабушка Урсула и гордо отправилась в дом.

– Придумал что говорить, – сказала я, – двое парней. Да они от квартиры одни руины оставят.

– Не отставят, – сказал Марк Тоснан, – они люди интеллигентные, они делом заняты, им некогда руины после себя отставлять.

– С чего ты взял, что они интеллигентные, у них на лицах написано?

– Да, – Марк Тоснан был серьезен, – это у них на лицах написано. Они актеры.

– Какие актеры?

– Театр Лимбарди открывается.

– Театр Лимбарди?! – ахнула я.

– Но это большая тайна. – Марк Тоснан стал очень важный. – Они готовят нам новый театр Лимбарди, – по секрету поделился он со мной.

– Кто они?

– Сыновья Лимбарди.

Я смотрела на него во все глаза. Династия Лимбарди. Об этом надо говорить отдельно.

– Ты их видел?

– Как тебя. В двух шагах.

– Какие они?

– Интеллигентные.

Я чуть туфлей в него не запустила. Марк Тоснан рассмеялся.

– Симпатичные. Не заметил в них чего-то необычного.

Но что бы он вообще понимал в театральных династиях!

– Ты плохо смотрел, – сказала я.

Марк покрутил головой.

– Смотрел во все глаза.

– У них не внешность главное.

– Знаю-знаю – глубочайший внутренний мир, – согласно покивал он.

А я стала думать. Надо что-то делать с бабушкой Урсулой. В нашей квартире могут поселиться сыновья самого Лимбарди.

Бабушка Урсула тоже всегда обожала театр. Надо что-то делать.

2

Наш город известен тем, что в нем почил театр Лимбарди. Вот уже много лет прошло, как он почил, а о нем до сих пор ходят легенды.

Это был театр одного актера. Великий Аарон Лимбарди. Он творил чудеса на сцене. Его спектакли длились часов по пять, но ни один человек ни разу не ушел из зала.

Аарон Лимбарди был родом из нашего города. Нынешние седовласые почтенные джентльмены когда-то гоняли с ним мяч по местным улицам, но, когда прошло время, только Аарон Лимбарди принес славу нашему городу.

Он основал необычный театр одного актера. Нет, у него была команда. Но все они были как бы подающими мячи своему главному актеру. И только Аарон Лимбарди решал, что делать с принятым мячом – отфутболить обратно, передать другому, а то и вовсе бросить в зрительный зал.

На его спектакли съезжались из других городов, юмор Лимбарди передавался из уст в уста, цитаты из его пьес становились нарицательными, а сами пьесы перечитывались по многу раз.

Хотя в его пьесах не было ничего необычного. Он придумывал героя с соседней улицы и загружал его судьбу обычными проблемами. И народ шел на его спектакли посмотреть на самих себя.

Тихий и размеренный голос непревзойденного мастера рассказа Лимбарди говорил им о жизни, о перипетиях судьбы и о том, что однажды случится счастье, и случится оно с каждым человеком, находящимся в этом зале.

Зрители сидели тихо-тихо. Волшебные слова со сцены шли в самое их сердце, рассказанные истории находили отклик в душе каждого.

Мой дедушка Альберто и Аарон Лимбарди были ровесниками. Я знала, что когда-то они были очень дружны, но потом что-то произошло. Никто из моих родственников не рассказывал мне, что именно, все клялись, что они понятия об этом не имеют.

Они жили неподалеку друг от друга, ходили в одну школу, виделись и общались каждый день. Когда Аарон Лимбарди создал свой театр, дедушка Альберто часто сидел в первом ряду и восторгался мастерством друга.

Но через пять лет, в самом разгаре славы и известности, когда на его необыкновенные спектакли люди специально приезжали отовсюду, Аарон Лимбарди вдруг уехал из этого города навсегда.

И никто о нем больше ничего не слышал. Нигде он не стал восстанавливать вновь свой театр. Никто не верил, что Аарон Лимбарди сможет жить без своего искусства.

Но шло время, а Аарон Лимбарди больше не давал о себе знать. Говорили, что он стал жить обыкновенной жизнью. И театр Лимбарди стал легендой.

Еще говорили, что вроде как у Аарона Лимбарди родились сыновья. А может, это были догадки, точно никто не знал.

И тут какой-то Марк Тоснан сражает меня такой новостью. Как? Откуда? Почему эти парни сказали именно Марку Тоснану что они сыновья известного Лимбарди?

– Все просто, – сказал мне важный Марк Тоснан, – они пришли в наше агентство, потому что им был нужен именно этот дом. В этом доме жил их отец. А так как в квартире их отца уже давно живут другие люди и сдавать эту квартиру они не собираются, то я предложил им снять пустующую квартиру твоего дедушки. Ведь квартира твоего дедушки находится напротив квартиры их отца.

– Что?

– Кэндейси, пожалуйста, только не говори мне, что ты этого не знала.

Марк Тоснан, казалось, не меньше моего был удивлен, что я этого не знала. Но я впервые об этом слышала и не верила своим ушам.

– Откуда я могла знать?

– Твоя бабушка... – Марк Тоснан запнулся.

– Что моя бабушка?

– Ну... эта история...

– Какая история?

– Разве ты не знала, что Аарон Лимбарди уехал из нашего города из-за твоей бабушки?

– Что?

Марк Тоснан виновато потупился. У меня просто слов не было!

– Марк, не тяни, рассказывай! – возмутилась я. – Что ты еще такого выдумал?

– Это все знают, – осторожно сказал Марк Тоснан. – Аарон Лимбарди уехал из этого города, потому что влюбился в твою бабушку.

– Что?

– А она выбрала твоего дедушку.

На тот день для меня было достаточно. Так вот чего якобы не знали все мои родственники. Но зачем им нужно было это столь тщательно скрывать?

3

У меня есть три мечты. Во-первых, найти свое призвание. То есть выбрать правильную для себя профессию.

Во-вторых, сыграть главную роль в какой-нибудь пьесе. То есть сделать то, что вряд ли будет соответствовать моей основной профессии.

И, в-третьих, встретить в своей жизни такого человека, которому будут нужны все мои жемчужные слезы, все мои тревожные сны.

Исполнится ли все это когда-нибудь?

– Исполнится, дитя мое, – поддерживает меня бабушка Урсула. – Только я одного не пойму, душа моя, – иногда говорит она, – а зачем тебе какую-то главную роль в какой-то пьесе играть?

– Я и сама этого не пойму, – вздыхаю я, – но почему-то чувствую, что это однажды вдруг произойдет.

А бабушка Урсула смотрит на меня с умилением и тоже поддерживающе вздыхает. Она живет в доме на окраине, а я и мои родители живем в центре города. Но все уик-энды мы проводим в доме бабушки Урсулы.

У бабушки Урсулы двое детей. Моя мама Моника и моя тетка Аманда. Моя мама – стройная и изящная, даже в свои сорок лет притягивает мужские взгляды, что вызывает недовольство у моего отца.

Тетка Аманда – крупная и дородная женщина, вызывает у окружающих некий трепет. Так что ее муж Джон за нее особо не беспокоится.

Я одна в семье, а у моей тетки двое сыновей десяти и одиннадцати лет, Чарльз и Джеймс. Семья моей тетки тоже проводит уик-энды в доме у бабушки Урсулы. Так что можете представить, какой шум и гам творится там в выходные. Ближайшие соседи приходят спросить, не случилось ли чего и не нужна ли нам какая-нибудь помощь. А мы удивляемся, как они еще не привыкли, что у нас по выходным так весело.

Чарльз и Джеймс те еще сорванцы. Летом носятся по ухоженному саду обрывая на ходу незрелые фрукты, а зимой умудряются кататься на лыжах с бабушкиных альпийских горок. Но все равно у меня мировые двоюродные братья, и я их обожаю.

Родственники даны людям для счастья, но не все люди это понимают. И хотя у меня с Чарльзом и Джеймсом иногда война миров, и тетя Аманда, мама и даже бабушка Урсула ругают нас за это почем зря, а папа и дядя Джон пытаются подговорить их оставить нас без сладкого на ужин, я знаю, что это мои самые близкие люди, и мне тепло от того, что они есть у меня в этом мире.

Я так и не решилась расспрашивать у родственников об этой таинственной истории с Ароном Лимбарди. Оставила все на волю времени, авось скоро все само прояснится, раз уж об этом зашла речь.

Марк Госнан, правда, науськивал меня выведать что-либо у самой бабушки Урсулы. Но я не была уверена, что ей хотелось об этом распространяться, если уж она так много времени молчала.

У нас с ней всегда были очень близкие и доверительные отношения. Выходит, не хотела бабушка Урсула об этом вспоминать.

Но зато нам с Марком удалось науськать на бабушку Урсулу мою маму и тетушку Аманду, чтобы она подумала о том, что уже столько лет пустующая дедушкина квартира могла бы давно приносить нам всем доход.

Бабушка Урсула обижалась на нас весь уикэнд. Мы все тоже почтительно помалкивали, даже Чарльз и Джеймс не шалили, как будто что-то понимали. У нас даже как-то потише было в эти дни, соседи пришли спросить, не случилось ли чего и не нужна ли какая-нибудь помощь, а то слишком тихо.

Под конец воскресного дня бабушка Урсула вышла из своей комнаты. Гордая, невозмутимая, но смирившаяся. И положила ключи от квартиры дедушки Альберто на обеденный стол.

Марк Тоснан, который как раз безвылазно был весь уик-энд у нас в гостях, а в данный момент по-простому, как Винни Пух, поглощал яблочный джем ложкой прямо из банки, тут же положил ключи в карман.

– Но только не дай бог они оставят после себя одни руины, – сказала ему бабушка Урсула, – будешь передо мной головой отвечать!

– Конечно, буду головой отвечать, – пообещал Марк Тоснан, облизывая ложку, – но никаких руин не будет, обещаю, они люди интеллигентные.

– Там осталась вся библиотека дедушки Альберто, я не смогу ее пока оттуда вывезти, – сердито сказала Марку бабушка Урсула, – пообещай мне, что ни одна книга не упадет с полки на пол!

– Что вы, что вы, они ваши драгоценные книги и в руки не возьмут, – уверил ее Марк Тоснан, – для этого у них есть свои книги.

Бабушка Урсула недоверчиво хмыкнула. Не верила она, что нынешняя молодежь книги читает, хотя мы с Чарльзом и Джеймсом нередко специально перед ней по дому с книжками в руках прогуливались.

– Сама я видеть их не желаю, – продолжила бабушка Урсула, не обращая внимания на обещания Марка, – договор будет подписывать Кэндейси.

– Но почему я? – попыталась возразить я. – Пусть мама подписывает или тетя Аманда.

А Марк Тоснан стал мне усиленно подмигивать, что, мол, это даже к лучшему.

– Будешь подписывать как хозяйка квартиры, – сказала бабушка Урсула, – и точка.

Я решила внять мимике Марка Тоснана и больше не лезть сегодня на рожон, пока бабушка Урсула не передумала.

На следующий день, отпросившись пораньше с работы, в очередной раз подведя глаза перед крохотным зеркальцем, приняв таблетку успокоительного в баре у Джессики и запив ее по совету все той же Джессики джином с тоником, я отправилась в агентство к Марку Тоснану.

Прямо перед агентством, на улице, меня стало тошнить то ли от солнца, то ли от таблетки, то ли от джина с тоником, то ли от слишком большого слоя туши на ресницах. Но Марк Тоснан уже заметил меня в окно и не дал ретироваться и улизнуть от знакомства с интеллигентными Лимбарди.

Как ни странно, но подписывать договор пришел только один молодой человек, а не вся команда, как я в страхе надеялась. У молодого человека были традиционно печальные глаза. Как и у всех интеллигентов, отметило мое сознание, все еще затуманенное джином с тоником.

Что-то, видимо, Джессика успела подмешать мне в напиток, обычно я так плохо себя не чувствовала и колени у меня не тряслись от страха. Марк Тоснан предложил мне стул, но это мало помогло.

Молодой человек грустно разглядывал меня своими темными глазами с длинными густыми ресницами. У него был совсем не здешний вид.

У него был вид человека, который очень долго путешествовал по свету, открыл все шкалушки с тайнами мира сего, не нашел ничего особо интересного и теперь грустно взирал, а что же жизнь сможет ему такого пикантного предложить, хотя ни на что уже и не надеялся. Но жизнь пока ничего ему не предлагала.

Вот что я, собственно, прочла в его глазах, пока мы несколько секунд перед знакомством окидывали друг друга взглядами.

– Это Луи Лимбарди, – встрял между нами Марк Тоснан, чем порушил всю гармонию и таинственность встречи, – а это Кэндейси Коул.

Парень слабо заинтересовался.

– Кэндейси. Какое необычное имя, – совершенно без всяких эмоций, монотонно сказал он.

Марк Тоснан гордо кивнул, он и сам до сих пор неустанно удивлялся моему необычному имени и был рад, что все остальные люди тоже обращают на это внимание. А мне уже надоело всем объяснять, что мама и бабушка Урсула увлекаются бессмертной мировой классикой, и это имя дано мне в честь героини одного из самых любимых ими романов Фолкнера.

– Садитесь, садитесь, – стал гостеприимно предлагать Марк. – Чай? Кофе?

– Нет-нет, я только договор подписать, – испуганно сказал молодой человек.

– Хорошо-хорошо, – утешил его Марк Тоснан, – сейчас принесут договор.

Я внутренне улыбнулась. Было видно, что парень и правда плохо приспособлен к самым обыденным вещам. Видимо, он действительно живет в каком-то своем необычном мире.

Он и договор-то сначала стал внимательно читать вверх ногами. Через несколько секунд Марк Тоснан вежливо перевернул договор в его руках.

Пока я заинтересованно разглядывала молодого человека, я с трудом поняла, что и сама-то недалеко от него ушла. Марк Тоснан несколько раз пощелкал пальцами перед моим носом – для того чтобы я взяла себя в руки и прочла хотя бы шапку договора и чтобы потом моя семья не огорчалась, что я подписала неизвестно что.

С горем пополам, по очереди роняя листы договора на пол, пока Марк Тоснан не догадался скрепить их степлером, мы с одним из парней Лимбарди поставили свои подписи на всех экземплярах.

Джессика потом долго расспрашивала меня в баре, куда я пришла выпить чего-нибудь совсем легкого, о чем был договор. А я рассеянно отвечала ей, что он был совершенно стандартный, улыбалась самой себе и продолжала тонуть в бездонных глазах Луи Лимбарди.

Джессика все-таки вывела меня из прострации совсем простым вопросом:

– Ну что, когда пойдем знакомиться?

На меня тотчас как будто кувшин воды вылили, мне пришлось срочно прийти в себя. Ибо если Джессике в голову западает какая-то шальная идея, вытащить потом эту идею из ее головы обычно бывает очень трудно.

– С кем мы пойдем знакомиться? – переспросила я, хотя уже почувствовала неладное.

– Как с кем, – невозмутимо сказала Джессика, – конечно же с Лимбарди.

Некоторое время я молча и с большим интересом ее разглядывала.

– Любопытно, как ты собираешься с ними знакомиться? – спросила я.

– Ну ты же хозяйка квартиры, – пожала плечами Джессика, – ты можешь зайти к ним по-хозяйски в гости и проверить, как поживает твоя квартира.

– Но я не могу к ним зайти!

– Почему не можешь? – не поняла Джессика.

– Потому что я договор подписала.

– Не ври. Ты ни строчки не помнишь из этого договора.

– Эту строчку я помню!

– Правда?

– Правда!

– А зачем ты такой договор подписывала? – не поняла Джессика.

– Потому что это стандартный договор.

– А почему ты не попросила Марка по знакомству не подсовывать тебе стандартный договор? – искренне удивилась она.

– Джесс, умоляю, давай сменим тему.

У меня и так был непонятный день, а тут еще она с такими предложениями.

– И как, по-твоему, мы теперь с ними познакомимся? – невозмутимо продолжила Джессика.

– Объясни мне, пожалуйста, почему мы должны с ними знакомиться?

– Во-первых, потому, что это сами Лимбарди, – стала загибать пальцы Джессика, – а во-вторых, потому, что они живут в твоей квартире.

– Джессика, не трави душу, у меня и так сегодня был тревожный день, у меня весь день колени трясутся, – взмолилась я. – Налей мне еще джина с тоником и дай мне потихоньку помереть вот тут в углу.

Джессика смотрела на меня с сожалением. Она явно меня не понимала.

Она, как и многие, считала, что, если более-менее известные люди вдруг случайно появляются на нашем горизонте, нам надо с открытыми объятиями бежать к ним знакомиться и беседовать о жизни. А известные люди должны быть несказанно рады такому количеству знакомств и бесед, и у них просто нет других дел в этой жизни, кроме как постоянно с кем-нибудь знакомиться и беседовать, знакомиться и беседовать.

Все это я и высказывала Джессике, пока она везла меня домой, не дав сесть за руль моей собственной машины.

– Ну ладно, – сказала она около моего дома, – мы что-нибудь придумаем. Для начала я установлю на своем балконе сложную систему зеркал.

У меня уже не было сил даже вздрогнуть от такого предложения.

– А потом? – слабо сказала я.

– А потом мы еще что-нибудь придумаем.

Я еще не говорила вам, что Джессика живет в квартире, которая находится в том же доме, что и квартира моего дедушки Альберто? И ее балкон через два балкона от балкона квартиры дедушки Альберто?

Так вот, она действительно там живет. Так что я еще с ней и ее зеркалами нарвусь на ненужные мне приключения. Ох, чует мое сердце, нарвусь.

А когда я уже ложилась спать, позвонила бабушка Урсула.

– Ну что, подписала договор? – спросила она.

– Подписала.

– Надеюсь, они не тронут наших книг?

– Не тронут, не тронут, – сказала я, – они даже пыль с книжных полок вытирать не будут.

– Как это – пыль вытирать не будут? – не поняла бабушка Урсула.

Но я уже спала, прямо с трубкой в руке. И снился мне балкон Джессики, неизвестно чему радующийся Марк Тоснан и бездонные глаза одного из Лимбарди.

4

Утром на работе мне все-таки пришлось мобилизоваться, потому что в одном из СМС-сообщений были эти странные строчки:

«Я ищу одну девчонку. Видел ее как-то в этом районе. Наверное, она живет где-то неподалеку, и мы с ней еще встретимся. Но может, она оказалась здесь совершенно случайно, и я не увижу ее больше никогда. Эта мысль для меня невыносима. Поэтому я хочу проложить к ее сердцу невидимые дорожки и попытаться по этим дорожкам пойти к ней навстречу. Почувствуй меня. Без тебя моя жизнь будет разбита вдребезги».

И ни одной ошибки!

Вся женская половина редакции тут же приободрилась. Каждая думала, что наверняка таинственный парень видел в этом районе именно ее, хотя в сообщении не говорилось, в каком именно районе. Но зато теперь он за ней тайно наблюдает, и ей постоянно надо быть в хорошей форме.

В том, что это симпатичный, умный и прекрасно сложенный молодой парень, сомнений ни у кого не возникло. Главным претендентом на роль девушки, без которого жизнь этого молодого человека будет вдребезги разбита, была наша пятидесятилетняя начальница миссис Ланг.

Она тут же стала поправлять перед зеркалом прическу и подкрашивать губы. Две ее молодые секретарши тоже стали в срочном порядке подкрашивать губы. Даже наборщик текстов Майк и верстальщик Джон стали тревожны и сосредоточены. Рабочий настрой редакции был несколько сбит.

Первой опомнилась миссис Ланг и решила взять дело в свои руки.

– Кэндейси, – сказала она, – какой телефон был у этого сообщения, а то я не вижу его в распечатке.

Видимо, она уже собралась звонить и рассказывать, что она и есть эта самая девушка.

– У этого сообщения был заблокирован телефонный номер, – сказала я.

– Как заблокирован? А правила СМС-сообщений? Мы не публикуем сообщения без обратной связи, – растерянно сказала она.

– Вы предлагаете не публиковать это сообщение? – спросила я.

Работа в редакции газеты на некоторое время остановилась. Мы все, начиная с наборщика текстов Майка и верстальщика Джона, стали тревожно вглядываться в миссис Ланг.

Ей было трудно пойти против правил, которые она сама устанавливала. Но иногда правила должны были разлететься как карточный домик, и это должен был понимать даже самый строгий начальник.

– Ну хорошо, – сказала она, – именно для этого сообщения мы сделаем исключение. Посмотрим, что получится, – томно улыбнулась она себе в большое зеркало, висящее сбоку от ее стола.

Сотрудники редакции облегченно вздохнули и вновь приступили к своим обязанностям. И через пару дней это сообщение взорвало всю женскую половину города.

Моя мама и бабушка Урсула тоже обратили внимание на это необычное сообщение. Вечером они как раз были у меня в гостях.

Бабушка Урсула хотела выведать у меня о том, кто теперь топчет квартиру дедушки Альберто, но пока не решалась. Так что она просто молча прохаживалась по моей квартире и разглядывала в тысячный раз, что где стоит и на месте ли все сегодня.

А мама пришла посмотреть, что у ребенка в холодильнике, чем ребенок питается и насколько захламлено его жилище. Надо сказать, что она через день это проверяла, и незадаанные вопросы миру насчет моего питания и уборки квартиры оставались на ее лице.

Газету они прочитали утром, у нас в городе все жители читают эту газету, иначе как они будут держать руку на пульсе города.

– Эта заметка однажды перевернет чью-то жизнь, – сказала моя мама.

Бабушка Урсула не выдержала и тоже наконец-то подала голос.

– Как же этот парень найдет эту девушку? – возмущенно сказала бабушка Урсула. – Это же все равно что искать иголку в стоге сена.

– Не волнуйся, – сказала мама, – в нашем городе раз плюнуть найти эту иголку.

Бабушка Урсула обиделась. Она любила этот город. Она в нем всю жизнь провела. Это мы с мамой считали его непомерно маленьким и тесным.

А бабушка Урсула очень давно и всего-то несколько раз выезжала на ярмарки в соседние, такие же скромные города. Так что в ее жизни было мало возможностей оценить масштабность мира.

– В нынешних газетах неизвестно что печатают, – продолжила бабушка Урсула.

– Это называется СМС-сообщения, – пояснила я.

– Какие-какие сообщения?

– Долго объяснять. Ты же не желаешь пользоваться сотовым телефоном.

– Вот еще, – сказала бабушка Урсула, – буду я им пользоваться. В наше время люди живую общались. Приходили домой друг к другу и общались.

– В ваше время были маленькие расстояния между домами, – сказала мама.

Крыть бабушке Урсуле было нечем, а потому она просто смерила нас с мамой возмущенным взглядом. Мол, все равно раньше все было лучше, скромнее и порядочнее, и это обсуждению не подлежало.

Извечный спор отцов и детей. Каждый на свой лад хвалит достижения и нравы своего поколения. Она остановила свой взгляд на мне.

– Кэндейси, ты споришь по мелочам, – сказала бабушка Урсула.

– Это ты ко мне придираешься.

– Я старею, мне позволено.

– Что позволено?

– Все позволено, – сказала бабушка Урсула, – и не перечь своей бабушке.

– Хорошо, – согласилась я, – не буду.

Вообще-то бабушка Урсула жаждала продолжения спора, а потому расстроилась еще больше. Уже и поговорить лишний раз на старости лет не с кем.

– Ну и кто там отныне топчет дедушкину квартиру? – задала вопрос мама.

Бабушка Урсула заинтересовалась прекрасным видом из моего окна на соседний дом.

– Я видела только одного интеллигентного человека, – сказала я.

– Как, – не выдержала бабушка Урсула, – почему ты не разглядела второго?

– Потому что договор пришел подписывать только один из них.

– Почему только один?

Но этого я и правда не могла объяснить.

– Видимо, второй молодой человек не смог прийти, – растерянно сказала я.

– А вдруг их там целая команда, – переживала бабушка Урсула, – вдруг их там очень много?

– Нет, только двое! – сказала я.

– Ты уверена?

– Конечно, уверена. У Лимбарди ведь было только два сына.

В комнате зависла подозрительная тишина. Мама в испуге стала смотреть на меня и на бабушку Урсулу. Бабушка Урсула стала медленно оседать в кресло.

– Что? Почему? – слабо говорила она. – При чем тут сыновья Лимбарди?

– Потому что, потому что...

Я поняла, что совершила ошибку, бабушка Урсула еще не была готова к такой новости. Но что-либо делать было поздно, я уже проговорила.

Потом бабушка Урсула сидела в странном туманном состоянии в моем большом кресле, а мы с мамой тревожно переглядывались. Мол, немедленно вызывать медицинскую помощь или просто накапать бабушке на язык несколько сердечных капель?

По счастью бабушка Урсула пришла в себя сама и слабо сказала:

– Но у Лимбарди было три сына.

5

- А что подельывает Луи?
- Луи? С восторгом и трепетом перечитывает начало своей новой пьесы.
- Как? Опять?
- Только не говори ему, что мы знаем.
- Конечно, не скажу.
- А что подельывает А.М.?
- О, А.М. спит без задних ног.
- Его можно понять, он выдохся.
- Он не выдохся, он просто устал.
- Нет, он давно выдохся, и сам это понимает.
- Разве можно высказать все свои мысли?
- Можно. Только не говори ему это.
- Что не говорить? Он же понимает.
- Не говори, что мы тоже понимаем.
- О да, конечно.
- А что подельваешь ты?
- Я наблюдаю за сложной системой зеркал.
- Это через два балкона от нас?
- Да, где-то там.
- Я уже смотрел, там угол наклона не тот.
- Думаешь, тому, кто их сооружал, нас не видно?
- Думаю, что не видно.
- Интересно, может, они еще и жучков тут набросали?
- Не набросали, я бы на них давно наступил.
- О да, с тебя станется.

6

Мама всегда уговаривала меня стать дизайнером, как и она. Папа уговаривал меня стать фотографом, как он. Дядя Джон говорит, чтобы я и дальше работала в редакции, но еще окончила бы какой-нибудь филологический факультет, а не только литературные курсы, куда я поступила после школы. Тетя Аманда у нас преподаватель музыки, и она понимает, что меня уже поздно уговаривать стать музыкантом, это нужно было делать с раннего детства.

Мой папа работает в центральном фотоателье, и мы с Джессикой иногда ходим к нему на бесплатные фотосессии, а потом горько вздыхаем, что такая красота пропадает зря. Одна красота – в редакции местной газеты, вторая – в баре напротив редакции.

Моя мама работает дизайнером в доме моды, и я вполне могу идти по ее стопам. Рисовать платья и костюмы мы умеем от природы, так что я на своей работе даже особо не напрягалась бы. Но жизнь без трудностей не интересна, поэтому я и торчу в редакции газеты.

Мама и ее команда шьют платья и смокинги на свадьбы и на юбилеи, смешные костюмчики на детские праздники, делают шляпки местным модницам и вяжут теплые зимние свитера всем желающим. Но особого разнообразия в заказах не наблюдается. Если это детские костюмы – то Винни Пуха или Пятачка, если смокинг – то традиционно черный, если платье на свадьбу – то только белое.

Но буквально через пару дней после полуобмороков бабушки Урсулы в моем кресле, мама позвонила мне радостная и возбужденная и стала захлеб рассказывать, что она тоже их видела.

– Кого их? – спросила я, доедая свой вечерний сэндвич всухомятку.

– Ну их! Лимбарди!

Я чуть не подавилась сэндвичем.

– Где ты их видела?

– У нас в доме моды, разумеется, – обиделась мама. – Разве я еще где-нибудь бываю?

Далее последовала показательная пауза специально для папы, лежащего на диване перед телевизором. Звук телевизора был хорошо слышен в телефонную трубку.

– Что они у вас в доме моды делали? – спросила я, оглядывая содержимое холодильника на предмет какого-нибудь сока.

– Как что они в доме моды делали?! – возмутилась мама. – Заказывали театральные костюмы!

Сока в холодильнике не было.

– И какие они были?

– Кто? Костюмы?

– Нет, Лимбарди.

Было позавчерашнее молоко.

– О! Они были такие странные! – в восторге стала рассказывать мама. – Они были в темных очках! Но зато у них были очень красивые подбородки!

– И сколько их было? – спросила я, наливая в стакан молоко.

– Их было двое.

Молоко было ужасным на вкус!

– А как ты догадалась, – не поняла я, – что это были сами Лимбарди?

– Я почувствовала, что это творческие люди, – скромно сказала мама.

Я вздохнула. Ну вот, сейчас новость о театре поползет по всему городу. Что знает один-два-три человека – знают и остальные.

– И что за костюмы?

- Это тайна.
– Тайна от дочери?
– Я обещала, – кокетливо сказала мама. – Это тайна от всего города.
Я вылила молоко в раковину и выбросила пустую пачку в мусорную корзину.
– Ты думаешь, я побегу рассказывать твою тайну всему городу?
Но маме и самой очень не терпелось хоть кому-то проболтаться.
– Только никому не рассказывай, – потребовала она, – даже Джессике! Вернее, первой
– Джессике!
– Клянусь и обещаю!
Еще в холодильнике был какой-то кефир.
– Там такие странные костюмы. С плоеными воротниками, обтягивающими рукавами и шифоновым обрамлением по краям.
– Понятно, позапрошлый век. А брюки?
Я налила в стакан кефир.
– А покрой брюк они решили оставить современным, – сказала мама.
– Что? Обыкновенные брюки к плоеным воротникам?
А вот это уже было что-то интересное.
– И не говори, – поддержала меня мама, – меня сама это смутило. Но потом я поняла, что раз они люди творческие, то им все можно.
Кефир был просто ужасен! Наверняка его бабушка Урсула тут забыла! Да еще на позапрошлой неделе!
– Знаешь, мама, – сказала я, выливая в раковину оставшийся кефир, – спешу тебя обнадежить. Кажется, ты действительно видела самих Лимбарди. Такой творческий подход к своим костюмам может быть только у очень творческих людей.
– Дочь моя, – сказала тем временем мама, – чем ты там занимаешься? Тебя что, тошнит после ужина? Может, ты все-таки прекратишь есть всухомятку и переедешь к нам с папой и будешь нормально питаться?

На следующее утро Джессика тоже уже знала о странном заказе в доме моды. Она не могла вспомнить, откуда она это знала, но ей казалось, что она слышала об этом еще до самого заказа.

Мы с ней привыкли встречаться в ее баре. По утрам наспех жаловались на жизнь, в мой обеденный перерыв освещали наши проблемы гораздо шире, а уж после моей работы охватывали все со всех сторон и во всех подробностях.

– Ничего не видно в моих зеркалах, что там творится в вашей квартире, – пожаловалась Джессика.

- Джесс, тебя скоро посадят, если будешь вторгаться в частную жизнь, – сказала я.
– Я же говорю – ничего не видно! – обиделась на меня Джессика.
– Ну и хорошо, – успокоилась я.
– Тебе не интересно?
– Почему же, интересно, – сказала я, – да не все в нашей власти.
Джессика смотрела на меня с подозрением.
– Но все должно быть в нашей власти, – уверенно сказала она.
– Полностью с тобой согласна, – кивнула я, – но так не бывает.
– Понятно. Веришь в судьбу. Ничего не будешь делать своими руками.
– Да. Люблю, когда вода сама под лежачий камень течет, – подразнила я ее.
– Но это не интересно! – возмутилась Джессика.
– Почему же. Очень интересно. Ты вот суетишься и бежишь впереди паровоза. И что? Разве у тебя в жизни больше событий, чем у меня?

Джессика задумалась.

– Событий у нас с тобой одинаковое количество, – согласилась она, – но мне кажется, что твоя жизнь могла бы быть гораздо интереснее, если бы ты тоже предпринимала хоть какие-то шаги, чтобы ее изменить.

– Это зачем?

Она стала загибать пальцы на руках.

– Во-первых, ты не очень любишь свою работу, но не меняешь ее.

– Ты же всегда говорила, что это хороший плацдарм, – удивилась я.

– Все, плацдарм изжил себя, тебе надо двигаться дальше, – серьезным тоном сказала она. – Сколько можно исправлять дурацкие ошибки в дурацких сообщениях?

– Но кто-то должен это делать, – заступилась я за свою должность.

– Никто, кроме тебя, не хочет этим заниматься, – сказала Джессика.

– Вот же я и говорю, что кто-то должен.

– Ты могла бы заниматься дизайном одежды, – продолжила Джессика.

– Но этим уже занимается моя мама.

Джессика долго разглядывала меня, не понимая, при чем тут это.

– Потрясающе, – наконец сказала она, – ты ничего не хочешь менять! В твоей квартире живут сами Лимбарди! А может, один из них – твоя судьба?

– Ах вот оно в чем дело, – сказала я. – Так вот к чему ты это опять ведешь?

– Да, – кивнула Джессика, – мне за подругу обидно.

– Ну хорошо, Джесс, – сказала я, – я пойду к ним в квартиру.

– Наконец-то!

– Но только когда из этой квартиры послышатся звуки взрывов!

Несколько секунд оторопевшая Джессика сидела с раскрытым ртом. Крыть ей было явно нечем. Но она и тут не растерялась.

– Ну хорошо, моя дорогая, – сказала она тоном, мало обещающим что-то хорошее, – так и быть. Звуки взрывов из этой квартиры я тебе организую!

Потом пару дней жизнь продолжалась без приключений. Разве что нашей редакции пришлось разместить на первой полосе вот такое скромное объявление:

«Редакция газеты с грустью сообщает, что парень, разыскивающий девушку, без которой его жизнь будет вдребезги разбита, своего телефона не оставил, и наша редакция уже не может справиться с потоком звонков от девушек, считающих, что без них будет разбита жизнь этого незнакомца».

Слова Джессики не давали мне спокойно работать. Нет, не про взрывы. Как она сможет их обеспечить? Нет, это ей никак не удастся. А ее слова о том, что мне надо менять работу. Дело моей жизни так и оставалось неким печальным призраком у меня в мозгу. И я никак не могла понять, чем хочу заниматься.

Ну и что, что я умею неплохо рисовать? Ну и что, что я очень люблю читать? Ну и что, что люблю придумывать что-нибудь и воображать? Ну и что, что обожаю театр и лицедейство, но только не самой «действовать», а смотреть со стороны.

Как объединить все эти качества? Я и в школе-то на анкеты о том, кем хочу быть, давала такие противоречивые ответы, что учителя терялись и не могли мне ничего толкового посоветовать.

Но Джессика и сама не шла дальше учиться, а работала в каком-то баре! И как же я не догадалась сразу поставить ее перед этим фактом? И как я же уже очень-очень давно не поставила ее перед этим фактом?

Истязать себя дальше не получилось, потому что позвонила плачущая мама. А она редко звонит мне в редакцию, так она демонстрирует уважительное отношение к моей работе, а воспитательные цели – штука трудоемкая и каждодневная.

Но тут, видно, и правда произошел из ряда вон выходящий случай.

– У меня ничего не получается! – расстроенным голосом сообщила она.

– Что у тебя не получается? – вздохнула я.

– Ничего!

– А конкретнее?

– Эскизы!

– Какие эскизы?

– Твой отец уже несколько дней хохочет над моими эскизами!

– Над какими именно, не напомнишь?

– Ну над теми... с плоеными воротниками и современными брюками!

– Ах! Ха-ха-ха, – не удержалась я.

– Ну вот, и собственная дочь туда же, – совсем расстроилась она.

– Нет-нет, – стала утешать ее я, – я полностью тебя понимаю и поддерживаю.

– Тогда приходи и помогай.

– Но почему сразу я? У вас в доме моды еще много людей работает помимо тебя.

– В том-то и дело, что я не могу никому об этом рассказать! Это дело заказали только мне!

Я задумалась.

– Тогда плохо твое дело, – сказала я.

– Приходи и помогай, – потребовала она, – а не соль мне на рану сыпь!

Я горько вздохнула. Я и сама не могла представить, что тут можно придумать. Но это была моя мама, а потому я после работы пошла к ней, и мы полночи придумывали, как с наименьшим ущербом для своей гордости осуществить этот заказ.

К утру я все-таки убрала плоеные воротники, сделала их шифоновыми, сделала более современными камзолы и менее современными брюки. Выходило что-то среднее между обычным нарядом вампира и нарядным костюмом оборотня.

Мама была несказанно рада и сообщила мне, что раз я все это придумала, то я и пойду относить все это в театр к парням Лимбарди.

– Ну что ты опешила? – ласково спросила она меня. – Сегодня как раз суббота, а мы с ними и договорились встретиться в субботу.

Я с трудом пришла в себя.

– Видишь ли, – сказала я, – мне абсолютно все равно, на какой день вы там договорились, но я никуда не пойду ничего относить.

– Ничего страшного, – утешила она меня, – чего тут бояться? Уже полгорода в курсе того, что театр Лимбарди открывается.

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Я не пойду к ним в театр.

– Но почему?

– Потому, что мне и договора было достаточно, – постаралась объяснить я.

И тут началось.

– Бросаешь маму? А как, по-твоему, я им объясню, почему я воротники изменила? А вдруг им это не понравится? Или доработки возникнут? Это немного не то, что они хотели, как я им докажу, что ты предлагаешь единственно верное решение?

Словом, мама пряталась за мою спину, и мне ничего не оставалось, как согласиться. Не могла же я ее бросить вместе с ее веселыми эскизами.

Расскажу немного о театре. Вернее, сначала – о нашем городе.

В нашем городе здороваются с приезжими. Здесь обо всех событиях становится известно в тот же час. А чего-либо из ряда вон выходящего вообще не случается.

Свадьбы здесь справляются сразу в центре города, чтобы мог прийти любой желающий. И разумеется, этот желающий – близкий знакомый если не самих молодоженов, то хотя бы кого-то из гостей.

Как и во всех не очень больших городах, в нашем городе почти все друг друга знают. Поэтому как парни Лимбарди оставались до сих пор неопознанными и незамеченными, оставалось только диву даваться. А ведь они уже больше недели жили в городе.

Театра у нас два. Один находится на центральной площади, большой и красивый, с местной труппой драматических актеров. Так что с показом пьес мировой классики у нас все в порядке.

А второй театр был на окраине города. Все знали, что это театр Лимбарди. Но вот уже много лет в нем обычно размещались привозные выставки, и как театр он давно не работал.

Но уже с месяц в нем шла какая-то реставрация. Интересующимся людям было сказано, что все это делается для улучшения внутреннего состояния здания. Но оказалось – нет. В здании опять будет театр.

Вот туда-то я и шла, и мне было немного страшно. Все-таки встреча с творческими людьми сильно волнует людей простых. Неизвестно, что эти творческие люди во время встречи могут выдумать, с ними надо держать ухо востро.

Но я даже не зашла в бар выпить джин с тоником. Я за себя не ручалась. Еще, чего доброго, проболтаюсь дорогой подруге Джессике, она начнет советовать непонятно что, а мне и так не по себе.

К театру-то я подошла, а вот войти внутрь долго не решалась. Сначала я надеялась, что забыла эскизы, но мне не повезло, я их не забыла. Потом надеялась, что театр закрыт, но мне тоже не повезло, замок на больших массивных дверях не был защелкнут.

Потом я думала, что вряд ли смогу открыть такие массивные двери, и мне чуть было совсем не повезло, двери действительно не открывались. Пришлось даже налечь на них, чтобы в этом убедиться. Но зря я это сделала, двери вдруг легко поддались, открылись, и я практически влетела в здание и чуть не упала в фойе.

Мне казалось, что теперь должен был последовать гомерический хохот и мне на голову с потолка должны свалиться толстые сети паутины. Естественно, ничего подобного не произошло, и от этого тоже стало не по себе.

Надо было все-таки выпить чего-нибудь легкого в баре и поспорить с Джессикой о какой-нибудь ерунде. Обычно меня это немного успокаивало.

В фойе театра стояли большие строительные леса, пол был застелен защитной пленкой, под которой была видна мозаика пастельных цветов. Другая мозаика неприметно проступала на стенах. Старинное здание вновь приобретало свой таинственный вид.

Я понятия не имела, куда идти, пошла наобум. Ноги привели меня в зрительный зал. Там было пусто, темно, но интересно. Откуда-то из глубины сцены лился приглушенный бледный свет.

Я шла мимо рядов кресел и чувствовала себя первым человеком, открывшим театр и подарившим его людям. Я представляла себя главным режиссером, великой актрисой и благодарным зрителем.

Что-то есть в мире театра, недаром он давно меня очаровывает, манит и вместе с тем пугает. Что-то в нем определенно есть.

Я дошла до сцены и поднялась по ступенькам. На сцене стояла огромная кровать, покрытая большим серым покрывалом, а вокруг кровати чего только не было. Я стана изучать вещи,

разбросанные в творческом беспорядке. Тут были какие-то серые пыльные костюмы, плащи и странные головные уборы.

И я конечно же надела шляпу с острым верхом и широкими полями. А потом накинула на плечи длинную накидку, как у ведьм, и взяла в руки посох. В таком прекрасном виде я повернулась к зрительному залу и застыла в ожидании аплодисментов.

И аплодисменты не заставили себя ждать. Кто-то громко и размеренно мне зааплодировал.

С криком я сбросила с себя шляпу, скинула накидку, подальше отбросила посох и повернулась на звук. И увидела между кулисами, там, откуда обычно на сцену выходят актеры, огромное кресло и сидящего в нем человека.

Человек был одет в такую же длинную серую накидку, какая была у меня, и на голове его красовалась почти такая же, как у меня, шляпа, но мужского покроя, а не ведьминского. Еще у него была борода и темные очки. Было видно, что он давно за мной наблюдает.

Я смотрела на него и не могла произнести ни звука. А что я должна была ему сказать? Марк Тоснан проговорился, что театр Лимбарди открывается? Мама проболталась, что вы сделали ей заказ? А еще она не справилась с заказом и бросила меня на амбразуру?

Словом, мы смотрели друг на друга и молчали.

Через некоторое время я поймала себя на мысли, что мы с ним уже принципиально молчим, ну я-то – точно. Ибо почему я должна первой начинать разговор? Пусть мужчина начинает. Я тут вообще не по своей воле, и мне нечего оправдываться.

На его лице играла легкая полуулыбка, и я никак не могла понять, сколько ему лет. Если он еще молод, то зачем ему борода? Если это Луи Лимбарди, то он не успел бы отрастить бороду, но зато вполне мог успеть ее приклеить.

Если это не Луи, то кто тогда? Второй Лимбарди? А может, не к ночи будет сказано, даже третий?

Тем временем кресло, в котором сидел человек, медленно поехало на меня. Этого я не ожидала и стала пятиться.

– Стой на месте.

– Это почему? – осипшим голосом поинтересовалась я.

– Потому что так ты упадешь со сцены, – мягко и по-доброму объяснил он.

Я оглянулась. Да, действительно, я чуть не сверзилась прямо в оркестровую яму. Я благодарно оглянулась на своего спасителя.

– Спасибо, – сказала я.

– Подойди ко мне, – ответил он.

И я как загипнотизированный кролик медленно двинулась к нему.

С самого детства я болела театром. Еще с тех самых пор, когда бабушка Урсула впервые привела меня на рок-оперу про Кота в сапогах.

Я видела, что бабушка Урсула сидела с недоуменно-назидательным видом. Она была в легком удивлении от того, что происходит на сцене, но ей было неловко перед ребенком. А потому она пыталась сосредоточиться и поймать глубокий смысл происходящего.

А еще мы с ней ни слова не понимали в прекрасном громком и талантливом пении артистов. Но если бабушку Урсулу это сильно волновало и печалило, то мне было абсолютно все равно.

Для меня была важна магия и таинственность происходящего на сцене. Мне было удивительно, как это столько взрослых людей собрались здесь для того, чтобы сделать для окружающих сказкой весь этот мир.

Бабушка Урсула видела, что я вся во власти происходящего, и от этого ей было еще тревожнее. Ибо заболеть театром значило уйти в некие дебри своего подсознания, а таким

людям жизнь в обыкновенном мире кажется уже не такой интересной, какой она видится всем остальным.

Но наша семья всегда твердо стояла на ногах, звезд с неба не хватала и находила интерес в простых земных человеческих радостях. И я тоже в дебри своего подсознания забираться не стала, но, видимо, только потому, что мое окружение было далеко от этого мира иллюзий.

В театре я бывала редко, а если проходила мимо него, то только с пиететом и почтением. Но чтобы все бросить и начать заниматься этим на полном серьезе, об этом даже как-то и не задумывалась. Так театр и оставался для меня магией, тайной и загадкой.

Так что сами понимаете, когда я подошла к человеку в кресле, от волнения я уже совсем плохо соображала. Он медленно протянул мне свою руку ладонью вверх, и я тут же протянула ему свою. Он взял мою руку в свою большую теплую ладонь.

Я не могла видеть его глаза, а мне сейчас это было необходимо. Ибо вот сейчас неизвестно кто берет мою похолодевшую руку в свою теплую ладонь, а зрительный контакт не установлен.

Но это было его царство, а я была тут непрошеной гостьей. И как правильно посчитала я, это было бы неприлично – заезжей принцессе говорить гостеприимному королю, чтобы он снял темные очки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.